

Хотя Сюй Тай и не решался приблизиться к зловонной Призрачной колеснице, его слова прозвучали красиво и чётко, а расторопность и вовсе затмила праздное времяпрепровождение пары наставника и ученика за последние дни.

Сюй Тай велел подать чай, чтобы отблагодарить Мастера Луна за помощь по дороге. Лун Фэйань несколько раз отказывался, но в конце концов принял предложение.

Когда же он снова увидел Шэнь Фаши и Цзи Саньмэя, в его взгляде, хоть и вежливым, не удалось скрыть разочарования и подозрений:

— Мастер Саньмэй, Мастер Шэнь.

Услышав «Саньмэй», рука Лун Фэйяня, державшая чашку, на мгновение дрогнула, но тут же пришла в норму.

Цзи Саньмэй стоял под навесом, затягивался из трубки и разглядывал Лун Фэйяня.

Девочка Лун Юнь, с которой он беседовал в беседке на реке Ишуй, была на него похожа — сходство примерно на три части.

По словам кормилицы из семьи Сюй, Лун Юнь и Лун Ин были похожи как две капли воды, но Лун Юнь не знала, что у неё была сестра. Она лишь ведала, что мать, будучи ею беременной, пребывала в тоске и печали, тело её ослабло, и, произведя на свет дочь, она истощила последние силы и скончалась.

Её воспитал отец, и в каждой её речи сквозила глубокая к нему привязанность — каждые три фразы непременно упоминали «отца».

Цзи Саньмэй окинул Лун Фэйяня оценивающим взглядом с ног до головы, затянулся и тихо усмехнулся.

Шэнь Фаши слегка переменял позу, и голос его прозвучал холодно:

— Что в нём такого интересного?

Цзи Саньмэй выпустил струйку дыма и шепнул Шэнь Фаши на ухо:

— Он явился подготовленным, спектакль затеял. Естественно, интересно.

Лун Фэйань отпил полчашки чая и лишь тогда обернулся, будто только сейчас заметив Цзи и Шэня:

— Эти двое — родственники господина Сюя?

Взгляд его, однако, пристально остановился на Цзи Саньмэе.

Цзи Саньмэй ничуть не смутился, шагнул вперёд и сложил руки в приветственном жесте:

— Приветствую старшего. Я — Цзи Саньмэй, буду признателен за ваши наставления.

Как и Шэнь Фаши, Лун Фэйань был холоден словно глыба льда, уголки губ слегка опустились — вот и весь ответный жест.

Цзи Саньмэй вновь поднёс трубку к губам, сделал затяжку и произнёс:

— Старший, сегодня вы изрядно потрудились.

Слова его прозвучали легкомысленно, растворившись в струйке бледно-сизого дыма. Лун Фэйань едва заметно нахмурил брови:

— Вы двое и есть те, кого господин Сюй пригласил для изгнания нечисти?

Цзи Саньмэй усмехнулся:

— Мастер Лун провёл в городе Ичжоу несколько дней, но, как видно, прекрасно осведомлён, кого господин Сюй пригласил.

Господин Сюй выглядел смущённым.

Чувства его были понятны. Мастер Лун — местный охотник на яо, и, хоть и бился долго, прогнать Призрачную колесницу не смог. Господин Сюй, воспользовавшись его отъездом в город Ичжоу на охоту, отправился в Храм Цзюэми, дабы призвать Шэнь Фаши. По замыслу его, встреча этих двух групп была нежелательна. Во-первых, она выказала бы недоверие к Лун Фэйаню, во-вторых, поставила бы Цзи Саньмэя и его спутников в неловкое положение.

Лун Фэйань не ожидал, что у этого молокососа окажется такой острый язык, но холодное высокомерие в нём не угасло:

— В последнее время в городе Ичжоу только и разговоров, что о нашествии злых духов в дом господина Сюя в Северном пригороде. Я был тогда занят и не мог явиться сам, ожидал приглашения от господина Сюя. Но приглашения не дождался, посему решил, что он призвал иных помощников, и мне беспокоиться не о чем.

Цзи Саньмэй:

— Ошибаетесь.

Лун Фэйань:

— В чём?

Цзи Саньмэй:

— Во всём.

Цзи Саньмэй был мастером говорить с людьми на человеческом языке, а с духами — на ихнем. Чувство меры он знал, но ведал и когда следует быть дерзким.

Будучи никому не известным юнцом, он не гнался за славой, однако репутацию Мастера Шэня из Храма Цзюэми нельзя было позволить запятнать какому-то захолустному охотнику. Иначе, коли молва разойдётся, доброе имя Шэнь Фаши пострадает, что напрямую ударит по их доходам. Последствия выйдут нешуточными.

К тому же, человек перед ним, хоть и казался учтивым и сдержанным, на деле лишь подставлял щёки для пощёчин.

Цзи Саньмэй затянулся, ещё раз окинул Лун Фэйаня взглядом с головы до ног, а затем перевёл глаза на лежавшую на земле обнажённую женщину:

— ... Вы говорите, что всё это время были в городе Ичжоу по делам и лишь сегодня вернулись.

Лун Фэйань:

— Верно.

Цзи Саньмэй подошёл к Призрачной колеснице и усмехнулся:

— Талисман для умирения яо на её лбу — киноварь свежа, ещё не высохла, и следов наложения нет. Скажите, вы нарисовали его на месте, увидев Призрачную колесницу, или заранее подготовились, поджидая поблизости?

Скула Лун Фэйаня дёрнулась.

Цзи Саньмэй затем обошел его сзади, присел, поднял с земли крупицу земли, понюхал и вернулся перед ним:

— На подошве вашей обуви — влажная грязь с запахом лотоса. Значит, вы только что были у реки. В округе Ичжоу лишь одна река — Ишуй. Если шли вы из города, то должны были идти по главной дороге, мимо усадьбы Сюя. С чего бы вам сворачивать к реке?

Выражение лица Лун Фэйаня помрачнело:

— Свернул, и что с того? Нынче луна прекрасна. Жена моя скончалась в такую же ночь полнолуния. Мы с ней познакомились у реки, запуская фонарики. Разве не могу я предаться воспоминаниям?

... Вытащил покойную, дабы занять моральное превосходство. Мастерский ход.

В таком случае и Цзи Саньмэй сдерживаться не стал:

— Однако, когда я беседовал с Лун Юнь, она сказала, что вы вернулись домой в Северный пригород два дня назад.

Лун Фэйань резко закашлялся.

Сюй Тай не был глупцом, и после слов Цзи Саньмэя всё прояснилось.

Нынешнее событие — отнюдь не благородный поступок странствующего героя.

Как и они, Лун Фэйань поджидал появления Призрачной колесницы.

Он, имея на руках заранее нарисованные талисманы для умирения яо, караулил неподалёку от усадьбы Сюя. Лишь только раздастся крик Призрачной колесницы — он быстренько действует, запечатывает и убивает её. Всё ради того, чтобы сохранить достоинство местного «хозяина» и не дать Цзи Саньмэю с Шэнь Фаши перехватить славу.

А дом Лунов стоял на берегу реки Ишуй. Значит, вышел он из собственного дома и поджидал в окрестностях усадьбы Сюя, дабы поймать яо.

... Что доказывало: красивая внешность и наличие ума — вещи между собою не связанные.

Цзи Саньмэй легко и изящно наступил на самолюбие Лун Фэйаня последним каблуком:

— Похоже, старший эти два дня плохо спал. Небось, изрядно устали.

Выражение лица Лун Фэйяня стало таким, будто его ударили в переносицу. Цвет кожи перешёл из сизого в белый, а затем в багровый.

Цзи Саньмэй отвернулся, предоставив ему переживать свои метаморфозы.

Шэнь Фаши смотрел на спину Цзи Саньмэя, и уголки его губ невольно смягчились.

Он вспомнил, как прежде они ходили в харчевню. Цзи Саньмэй ленился чистить креветок и крабов, а он терпеливо снимал панцири, макал мясо в соус и клал в его пиалу. И глядел, как тот ест, а сердце в такт его изящным, высокомерным жевательным движениям то замирало, то билось.

Цзи Саньмэй не ощущал жгучего взгляда у себя за спиной. Он присел, положил ладонь на взъерошенные волосы Призрачной колесницы и покачал головой:

— Старший, вы же знаете, Призрачных колесниц не одна. Убив одну, вы не узнаете, за что они преследуют молодого господина Сюя, а лишь накличете новую беду.

Горло Сюй Тая сжалось:

— Что?..

Словно в ответ на призыв Цзи Саньмэя, явилась целая стая Призрачных колесниц.

Их могучие крылья затмили яркий лунный свет, а несколько кровавых фонарей пристально уставились на людей во дворе.

Противостояние длилось недолго. Одна из тенных фигур ринулась вниз, ударившись головой о зеркало, висевшее в юго-восточном углу усадьбы Сюев!

Бронзовое зеркало с треском разбилось, рассыпавшись на осколки.

Лун Фэйянь вскрикнул:

— Не может быть!

Призрачные колесницы панически боятся зеркал, даже смотреть на них не смеют. Если развесить бронзовые зеркала над четырьмя воротами, яо не посмеют вторгнуться.

Неужели эти твари обезумели?

Реакция Цзи Саньмэя была спокойной:

— Они пришли спасти подругу. — Он повернулся к Шэнь Фаши:

— ... Учитель.

Шэнь Фаши:

— Подожди.

Он направился к воротам с монашеским посохом в руке. Лун Фэйянь не увидел на нём ни

достойных магических инструментов, ни талисманов.

Цзи Саньмэй же продолжал подливать масла в огонь:

— Старший столько времени караулил, почему бы не явить своё мастерство?

Лун Фэйань, раздражённый колкостями Цзи Саньмэя, выпалил:

— Без талисманов для усмирения яо как ловить? Кто будет ловить?

Шэнь Фаши бросил на него взгляд:

— Я поймаю.

Эти три простых, ровных слова свели Цзи Саньмэя с ума.

Каждый раз Шэнь Фаши умел парой фраз довести Цзи Саньмэя до полной потери самообладания. Даже когда они ели креветок, и Шэнь Фаши, очистив панцирь, вынимал оттуда креветочный мозг и клал в его пиалу, Цзи Саньмэй думал, что эта пустоголовая креветка ничем не отличается от него самого перед Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй какое-то время в упоении смотрел на спину Шэнь Фаши, а затем опустился на колени рядом с Призрачной колесницей. В глазах его мелькнули причудливые узоры из киноварных талисманов.

Он склонился к самому уху Призрачной колесницы и что-то тихо, настойчиво зашептал.

<http://bllate.org/book/16281/1466250>